

Видим Россия 1976, декабрь, №14
***** театр *****

ТАК РОЖДАЛАСЬ СВОБОДА

ТРУДНО назвать другого драматурга, произведения которого были бы столь близки Театру Советской Армии по своей проблематике, жизненному материалу, стилю, как пьесы Всеволода Вишневского.

Новое обращение ЦТСА к произведению В. Вишневского — постановка, в сценическом варианте, романа-фильма «Мы, русский народ» — привлекает прежде всего соответствием стилистике необычного, новаторского творчества выдающегося драматурга. Для режиссера Р. Горяева, художника П. Белова, композитора Г. Фрида, актеров — народная драма и по содержанию, и по форме, героико-эпическое повествование о судьбе, чаяниях, надеждах России в годы Февральской, затем Октябрьской революций. Огромные размеры сцены художник не только не стремится «прикрыть», ограничить: наоборот, как бы еще более раздвигает их — с помощью задника, света, дающих ощущение простора, обилия воздуха, уходящего вдаль горизонта, с помощью облаженного, голый, как осеннее поле, открытой всем ветрам наклонной площадки-станка, где разворачиваются основные события. Сама масштабность сцены становится тут выражением идеи, становится образом великой, беспредельной страны, по которой пронесется очищающий вихрь революции. И судьба Петровского полка — одного из полков царской армии, брошенной в гибельный огонь бессмысленной, ненужной народу империалистической войны, — воспринимается как часть общей народной судьбы.

Большие, разнохарактерные народные сцены прежде всего раскрывают содержание спектакля. У каждой из них — своя атмосфера, интонация, свой колорит, рисунок, ритм.

Тонет в тусклом освещении безрадостного осеннего утра с его низко нависшим, словно пробитым снарядами, серым небом, исходит горестным женским плачем первая картина спектакля: уже немолодых, кое-как обмундированных деревенских мужиков гонят на войну, которая тянется не первый год и до предела истощила, замучила народ...

Неуклонно растет драмати-

ческое напряжение, обостряется ритм, сгущается грозная атмосфера в сцене, где полтика расстрелять солдата-большевика Якова Орла превращается в солдатский бунт — винтовки воткнуты в землю штыками, сломан четкий воинский строй, над вышедшим из повиновения народом взлетает огненный кумач знамени...

Лучезарно светла, пронизана теплыми весенним солнцем, озарена доброй улыбкой сцена в деревне, где в азартной, вольной стихии всеобщей пляски так щедро, бесценно, озорно выплескиваются неизбывные силы русской души...

Патетична внешне строгая, статичная сцена, где народ слушает ленинское воззвание «К гражданам России» — абрирует, впитывает в себя слова о долгожданном мире, о земле...

И подобен оптимистической трагедии финал спектакля: ставшие жертвами предательства, расстрелянные солдаты Петровского полка как бы возрождаются жизнью, волея Якова Орла к жизни образуют строй бойцов народной Красной Армии, и все более четким, решительным, наступательным становится их марш...

Очень привлекательно то, как сделаны, точнее — выполнены в этом спектакле народные сцены. Нужно не только мастерство, но и большое желание, даже любовь, чтобы с такой тщательностью, вниманием к деталям отработать их сложный, полифоничный, подчас прихотливый рисунок, выстроить движение целого — массы — и не потерять при этом из виду человека. На сцене действует не какая-то безликая толпа, на сцене живет охваченный общим настроением или, наоборот, расколотый, разобщенный, решает слож-

ные социальные проблемы и свою собственную судьбу народ, в массе которого отчетливо различимы отдельные лица, характеры. Масса эта многогосойна, разнопланова. Здесь есть персонажи, охарактеризованные бегло, эскизно. Есть такие, которые обозначены одной четкой, рельефно выписанной чертой, — в программе эти персонажи названы: Отчаянный, Бывалый, Нахальный, Злой... Есть тут и фигуры перепланные, основные выразители тех мыслей, настроений, которые владеют солдатами. Это мудрый, основательный и добрый деревенский мужик Ермодай (Н. Пастухов), тоскующий о простой и насущно необходимой, извечной крестьянской работе на земле, одержимый мечтой о мире. Это лихой и веселый рубаха-парень, щедрая душа — Алешка Медведев (А. Криченков), сразу, чуть уловивший правду большевистского слова. Это Вятский (Г. Юшко), человек запутанной, противоречивой судьбы, недалекий, ловко обманутый, да так и не пробившийся на верный путь к народному счастью.

Общая роль в этой группе персонажей отведена драматургом Якову Орлу. «Политический», как о нем говорят, бывший из царской каторги, он в армии — чтобы вести большевистскую пропаганду, готовить солдат к революции. В образе Орла у А. Васильева есть открытость натуры, прямота и честность, есть отчаянная смелость, готовность к самопожертвованию. Но этими достоинствами наделены и многие из тех, кого ему надлежит вести за собой, политически просвещать, поднимать до понимания ленинской правды. В образе, созданном А. Васильевым, ощутим недостаток того, что выделяет, по праву ставит героя В. Вишневского во главе солдатской массы, — превосходства ума, политической зрелости, озорности идей революции. Впрочем, думается, этот просчет в работе антера

был в известной мере predetermined теми сокращениями, которые произвел театр в киноромане В. Вишневского.

От этого же пострадала и цельность, последовательность развития линии политической заалки народа, его созреваания как активной, действенной и сознательной силы революции, превращения разлагающейся армии царской в монолит Красной Армии. Народные сцены подчас озадачиваются замкнутыми в себе, самостоятельными зарисовками (особенно сцена в селе, заканчивавшаяся разгромом винокурни). То же можно сказать и об отдельных эпизодах, режиссерские излишние анциентированные, разросшиеся, нарушающие гармонию целого (например, эпизод мести поручику Долгорукову, эпизод ухода солдат с фронта). Хотя, безусловно, при всем том народ сохраняет свое перванствующее положение в спектакле. Он — его подлинный герой.

Достаточно четко, убедительно охарактеризована в спектакле и другая сторона классового, социального по своей сути конфликта — офицеры, поборники самодержавия. Преисполненный аристократического презрения к народу поручик Долгоруков (В. Стреловский), верный господский холуй фельдфебель Варварин (Б. Ситко), полковник Бутурлин. Последний, одна из лучших актерских работ спектакля. А. Кутепов создает образ психологически сложный. Логично показано автором нравственное перерождение его героя под натиском обстоятельств. Его полковник Бутурлин — кадровый военный, казалось бы до конца преданный России, умный, поначалу демонстративный в обращении с солдатами, искренне переживающий бездарность, тушесть высшего военного командования, в состоянии понять и тем более принять народную революцию. Демонстратизм Бутурлина оказывается заносящим, его легко смывают господская ярость, ненависть к классу, не желающему расставаться со своим социальным приоритетом. Тем и объясняется подлое предательство полковника Бутурлина — предательство и своих солдат, и России.

Сочетание правды конкретных характеров, человеческих судеб с внушительным общим движением народной массы придает сценическому повествованию жизненную полноту и убедительность. И хотя спектакль ЦТСА не свободен от недостатков, с доверием заслуживавшихся в его героическую интонацию — интонацию восхищения великим и могучим, неодолимым в своем стремлении к свободе, миру и счастью на земле, страстным в своем восприятии жизни русским народом.

Галина ДАНИЛОВА

На снимке: сцена из спектакля «Мы, русский народ»
Фото И. ЕФИМОВА